

«Эскадрилья наносит удар»

Рассказывает Петр Погалов

«Сначала все шло штатно. Правда, когда мы уже на борт пришли запускаться с десантом, корреспондент какой-то подскочил и хотел нас сфотографировать. Мы, конечно с Витькой Гулиным, бортачом, отказались. А Санька нас буквально за рукав под объектив тянет, что вы, говорит, чертей боитесь, а еще коммунисты. Ну не на тех он напал, мы увернулись, а он все-таки позировать начал этому, который с камерой, тебя, жаль, рядом не было.

Взлетели мы. Впереди — Грудинкин со своим ведомым, Шурой Шипуновым. У нас на хвосте тоже ведомым Витя Рязанов болтается, а уж сзади нашей пары — вся остальная эскадра.

Вошли в Панджшер. Смотрю, впереди площадка у Рухи показалась, а первая пара дальше прет. Ну, думаю, может, хотят против ветра зайти. Говорю: че там, Сань, ветра почти нет, давай с ходу сядем. Так и сделали. Саня со своим ведомым машины быстренько посадили, десант выпустили, и начали мы с этой площадки взлетать. Тут видим картиночку, от которой у меня аж шлемофон приподнялся, так волосы дыбом встали. Грудинкин разворачивается, а по нему ЗГУ начал работать. Пламя от выстрелов у него от стволов до вертолета, казалось, доставало.

Грудинкин ничего в эфир не успел сказать. Его вертушка медленно закрутилась и на островок речушки под Рухой упала.

Ведомый, Шура Шипунов, шмальнул по зенитке НУРСами, но она, развернув стволы, так по нему орызнулась, что только шматки с его борта полетели. Смотрю, и они, задымив, отвалили.

Александр Шипунов, получив семьдесят два мелких осколка в лицо, шею, грудь, обливаясь кровью, сумел вывести вертолет из-под огня, и только потом, теряя сознание, передал управление своему летчику-штурману Сергею Кузнецову, который довел машину до аэродрома.

Мы продолжили взлет, и, когда немного набрали высоту, увидели стреляющую ЗГУшку. Ты знаешь, как Саня НУРСами стреляет. Он повернулся на нее и дал залп. Ракеты пошли точно в цель, вокруг установки земля закипела, ну, думаю, заткнулись, гады. Но, как видно, она была в обваловании или смертник там сидел прикованный, только зенитка снова ожила, и море огня пошло уже по нам... Я видел, видел, как шлейфы от наших ракет пересекались с трассами зенитки, идущими в нашу сторону. Мы продолжали вести стрельбу, все ближе надвигаясь на стволы, плюющие огнем нам в лицо. Мне казалось, что сейчас мы столкнемся, так и не прервав огненных объятий. Вдруг я услышал треск, из грузового отсека повалил дым, мгновенно заполнив своей чернотой пилотскую кабину. Где мы и куда летим, уже невозможно было понять. Я закричал: „Саня! Саня!“ А из-за дыма его не вижу, и он не отзывается. Взялся за ручку управления, а она — вялая, как будто ее никто не держит. Приоткрыл блистер, чтоб хоть что-то увидеть, смотрю — мы на склон горы несемся, сейчас столкнемся. Я только ручку успел вправо отдать, как почувствовал сильнейший удар, и голова-жопа-ноги, куда-то мы стали кувыряться. Вырубился. Сколько был без сознания, не знаю. Очнулся, кругом дым, в каком положении, непонятно. Шарю руками по пузу, чтобы кольцо привязных ремней дернуть, а его нет. Нашупал кольцо где-то за спиной, рванул и... вывалился наружу.

Смотрю, вертолет вдрабадан, горит. Я сунулся снова в кабину, Витьку вытащил. Его кожанка спасла, так бы сгорел. Только было, оттащив его, попробовал снова за Санькой полезть, как взрыв раздался, нас аж в сторону отбросило, а вертушка после этого на куски разлетелась.

Прямо скажу, скучно стало. Остались мы с Витьком вдвоем с одними пистолетиками в руках, а кругом враги, шкурой я их в этот момент почувствовал. И точно, как накаркал, гляжу, из-за поворота ущелья грузовая „Тойота“ показалась, ты ее, кстати, не видел?

Ну, думаю, хана тебе, бегемотик. Успел прикинуть, сколько выстрелов смогу сделать, чтобы один себе оставить, и так тоскливо стало, что не поверишь, Богу взмолился. И тут — грохот на все ущелье, откуда-то сверху ты валишься. Господи, ты есть, возблагодарил его незнамо как! Приглядевшись, я только подумал, что по такой траектории ты с ходу не попадешь на площадку.

Как тебе это удалось? Я такой заход век не забуду. Ну а дальше ты знаешь...»

Мы закурили, чуть отойдя от израненных машин, попытались разобраться в сложившейся обстановке. Юрка Наумов тоже подтвердил, что видел на островке реки еще один сбитый вертолет.

Позвонили с КП.

Нам, как побывавшим непосредственно на месте боестолкновения, поставили задачу эвакуировать ранее высаженных у вертолета Садохина спасателей, вместе с телом погибшего замполита, которое они успели извлечь из-под обломков, а также забрать тела со сбитого вертолета Грудинкина.

Последние надежды на то, что кто-то из его экипажа выжил, рассеялись...

На простой вопрос, а на чем, собственно, лететь, с КП последовал гениальный по простоте и решительности ответ: берите, говорят, любые вертолеты, которые видите на этом аэродроме, и вперед.

Поодаль, поблескивая свежей краской, стояли две новенькие расчехленные «эмтэшечки». Вокруг одной из них прохаживался вальяжного вида борттехник. Подойдя к нему спорым шагом, мы на ходу объявили ему поставленную с КП задачу. Бортач, ну точно как таксист на московской стоянке, величаво отвернув мурло в сторону, процедил: «Мы под советников стоим». Не упомяну, что я ему сказал конкретно, но через три минуты мы были уже в воздухе.

Солнце палило всюду, когда мы снова ввалились в ущелье, подойдя к знакомому месту по другому маршруту.

Оставив Наумчика наверху, я подполз на висении поближе к обломкам Санькиного вертолета, с удивлением отметив, что к уже виденному ландшафту добавился остов сгоревшего пикапчика.

Спасатели на брезенте подтащили к нашему вертолету Нечто.

Когда это Нечто пронесли мимо моего блистера, я заглянул внутрь брезента...

Беззащитное в своей обнаженности, с молнией летной куртки, навечно впаянной в мясо, в уже знакомой позе боксера, изваянное огнем в антрацитном материале в виде статуи трагического черно-красного цвета, увенчанное черным нимбом остатков курчавых волос, на брезенте лежало — ТЕЛО. Санькино ТЕЛО. Некий ПРЕДМЕТ. Который. Еще. Недавно. Был. Санькой...

В голове почему-то возникла картинка, как прошлой ночью Санек, спавший на соседней койке, во сне все время свешивал ногу на пол, как будто силился куда-то пойти, но не мог...

Вдруг внутри лопнула какая-то мембрана. С самого темного дна наружу вырвалась волна такой ярости, какой ни разу в жизни не испытывал.

Рванув рычаг шаг-газа вверх до упора, так, что еле успели заскочить в вертолет спасатели и еще с ними какой-то человек в чалме, я одним махом отодрал машину от склона. Развернув ее на висении носом на противоположный берег, начал залп за залпом всаживать весь боезапас ракет в бруствера видневшихся окопов духов, при этом рыча что-то нечленораздельное.

Окутанные дымным пламенем сходящих из блоков НУРСов, мы на подлете продвигались к островку, на котором стоял сплюснутый от удара, с поломанными лопастями и свернутой набор хвостовой балкой вертолет Грудинкина.

Сели от него слишком близко, так, что наши лопасти едва не задевали стоявший остов.

Десантура, успевшая к нему подойти, вытаскивала из нутра покалеченной машины все, что можно. Почему-то командир десанта, подбегая к распахнутой нашим бортачом двери, пригнулся почти до земли и вел огонь из автомата во время движения одиночными выстрелами. Забежав к нам в кабину, он, задыхаясь, сказал, что придется немного нам обождать, пока тела вытащат, их зажало деформировавшимся от удара металлом частей кабины. Причина применения одиночных выстрелов объяснилась уже потом. От перегрева стволов автоматы десантников уже не могли стрелять очередями. Посмотрев направо в направлении стрельбы наших, я обнаружил, что сидим-то мы метрах в ста пятидесяти от зеленки, где у духов, видимо, оборудованы неплохие огневые позиции. Сквозь шум винтов и рык двигателей еле различались какие-то щелчки. Я, немного поразмыслив, по СПУ стал советоваться с праваком: может, нам развернуться задницей к зеленке? Боря Шевченко, не сразу врубившись, повернул голову, чтобы переспросить меня. В этот момент раздался щелчок позвонче, в стекле правого блистера напротив Борькиной башки образовалась дырка, и борттехник, тот самый вальяжный «таксист», вдруг завалился назад, обливаясь кровью. Ну ни хрена себе! «Боря, помоги ему!» — заорал я, удерживая управление. Боря, удивленно рассматривавший дырку в блистере и смахивавший с носа осколки стекла, выпучил глаза и метнулся в проем двери, где на полу лежал раненый бортач.

Ну, гады, вы уже достали, щас я вам! Ласковыми интонациями, со спокойствием, которое самого удивляло, вызвал на связь Наумова, мотавшегося над нами сверху. Обращаясь уже не по-позывному, сказал ему: «Юра, по нас справа стреляют, борттехника ранили, отработай в траверзе от нас сто пятьдесят „карандашами“». (Это так НУРСы по коду называют.)

Что такое с высоты шестьсот метров зазор между нами и врагом в сто пятьдесят метров? Это примерно как щелка в полу, куда надо, ножичек кинув, точно попасть...

Такую задачу я мог поставить только Юрке, зная, как он стреляет, а в данной ситуации это означало — на кончик его пальца, нажимавшего кнопку огня, повесить жизнь всего нашего экипажа и десантуры. Мы ведь знали, сколько таких промахов было с трагическими последствиями.

Замерев, слушаем и считаем секунды. Слышим слитное шипение, как будто дракон выдохнул. Это ракеты пошли. Считаем секунды: раз, два, три, попадет — не попадет? Четыре, пять, попадет — не попадет? Шесть, семь, попадет — не попадет?

Справа раздался торжествующий грохот и вскипели мощным вулканным извержением разом земля и деревья. ПОПАЛ!!! Молодец, Юрчик!!!

Примолкли сволочи!

Десантник с просиявшим лицом, подойдя к нам, дал команду бойцам на погрузку снятого вооружения и своих раненых. Извинившись, что не смогли пока достать убитых, предложил нам увезти сначала живых. Ну что ж, полосатик, ты прав. Взлетаем. Пришли в Баграм без приключений, только половина приборов почему-то не показывала.

Зарулив на стоянку, выключили движки. Вышли осмотреть машину и разом присвистнули.

Весь правый борт иссечен следами от пуль, пробит редуктор и входной аппарат двигателя, Борькина дырка сверкает в стекле. Хорошо, что в стекле, а не в голове, а ведь запросто, если бы я его в тот момент не позвал... У Юрки тоже пару дыр нашли на заднице. Вертолета, конечно.

Боря спрашивает, а что это за хрена в чалме под белы рученьки спасатели к нам на борт затащили во время эвакуации Садохина. Пожимаю плечами, мол, я его мельком едва видел.

Кто это был, нам потом рассказали. Жаль, что потом.

[http://www.e-reading.by/chapter.php/1018338/18/Surcukov - Eskadrilya_nanosit_udar.html](http://www.e-reading.by/chapter.php/1018338/18/Surcukov_-_Eskadrilya_nanosit_udar.html)